

УДК 82-32

МОЛЧАНИЕ КАК АКТИВНОСТЬ СУБЪЕКТА В РАССКАЗАХ ДЖ.Д. СЭЛИНДЖЕРА «ФРЭННИ» И «ЗУИ»

© Белоусов А.А.

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

e-mail: belousov0511@gmail.com

Научный руководитель: Рымарь Н.Т., д-р филол. наук, профессор
*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация*

Ключевые слова: молчание, коммуникация, слово, сознание, понимание.

М.Н. Эпштейн в своей работе «Слово и молчание» приводит интересное высказывание М.М. Бахтина: «В тишине ничто не звучит (или нечто не звучит) – в молчании никто не говорит. Молчание возможно только в человеческом мире и только для человека» [1, с. 180]. Должно быть, зачастую мы действительно не задумываемся над границами привычных нам понятий, но именно таково важнейшее условие понимания – не только искусства, но и любой науки, любого взаимодействия в нашей жизни. Так, начиная разговор о феномене молчания, необходимо помнить, что близкая ему по значению тишина, подобно пустоте, является имманентной бытию структурой: она объемлет и обуславливает собой само явление звука, диалога и, соответственно, молчания.

Тот же Эпштейн говорит о том, что «структурно молчание гораздо ближе разговору и делит с ним интенциональную обращённость сознания на что-то» [1, с. 180]. Другими словами, потенциально молчание – та же коммуникация («говорящее молчание»), но особого рода. Особенность в том, что молчание – это форма негативного познания-действия, то есть, нет ни предмета, ни действия, которое бы совершалось и могло быть изучено; если вербальный язык – это сплошь и рядом знак, непременно что-то означающий, то молчание изначально ни к чему не отсылает. В конечном счете, знак без означающего ввергает нас в напряженное состояние неопределенности, когда привычное дискурсивное мышление перестает работать: мы вынуждены наблюдать за изменением коммуникативной ситуации (или в нашем случае художественного континуума), будучи запертыми в границах собственного сознания, но при этом как никогда восприимчивыми по отношению к *другому*.

Обратимся за примерами к рассказам «Фрэнни» и «Зуи», составляющими, в сущности, единую повесть. По сюжету главная героиня Фрэнни Гласс переживает конфликт с внешним миром: она презирует людей, которые стремятся во что бы то ни стало удовлетворить свое эго. Ее протест, однако, разворачивается в пассивном ключе: героиня изолирует себя от внешнего мира, спрятавшись в доме своих родителей. Фрэнни пытается овладеть опытом непрестанной Иисусовой молитвы, но вместо высоких духовных состояний находит себя в еще большем душевном разладе. Ее брат Зуи пытается помочь ей преодолеть этот кризис.

Поначалу, впрочем, у него это не очень получается, так как в разговоре с Фрэнни он не замечает молчания сестры: Franny didn't choose to reply / A silence followed for a minute or so. It was broken only by the sound of Franny blowing her nose и т. д. [4]. В этой части повествования Зуи в самой нескромной многословности указывает Фрэнни на несправедливость ее второсортного бунта против системы, которую составляют ее родные и знакомые. При этом героем движет вовсе не морализаторство, а любовь и желание помочь сестре, однако же проблема состоит в том, что «любое понятие разделяет и ограничивает реальность, превращая ее в виртуальный объект, то есть уничтожает ее как безусловную реальность» [2, с. 213]. Другими словами, изначальное переживание *другого* в любви и

сочувствии неизбежно редуцируется в процессе вербализации: любовь, обращенная Зуи в словесный аналитический дискурс, не достигает своей цели и даже, напротив, приводит к очередному эмоциональному срыву Фрэнни.

С другой стороны, именно в этой бесплодной, расплывающейся многословности предельно ощутимо молчание, протяженное между сознаниями героев и аккумулирующее определённое смысловое напряжение. В этих вербальных лакунах, в которые, на первый взгляд, проваливается коммуникация, происходит уже упомянутый парадокс: Фрэнни и Зуи, будучи разделёнными, замкнутыми каждый в свой рефлексивный поток, находятся при этом максимально близко друг к другу. Коммуникация при этом на самом деле размыкается, и только в этот момент становится возможным истинное понимание и, более того, участие в жизни *другого*. «Не случайно высшая форма понимания для многих типов культур укладывается в форму “понятно без слов” и ассоциируется с внесловесными коммуникациями», – пишет Ю.М. Лотман [3, с. 73]. Так, ближе к концу повести, Зуи даже не столько открывает (учитывая его беспрекословную эрудицию), сколько переживает это знание: в комнате своих старших братьев он обнаруживает две пронзительные цитаты, по прочтении которых впадает в молчаливое раздумье: *You want to teach and preach. You want to give millions when you are beggars yourselves / The happiness of being with people* [4].

Так, пробыв в подчеркнуто продолжительном – двадцатиминутном – молчании (правда, обращенном уже внутрь себя), Зуи решает «достичь сердца» своей сестры по-другому. Во-первых, на этот раз он опосредует их коммуникацию телефоном, таким образом сводя ее восприятие единственно к слуху, как бы усиливая эффект как звучащего, так и несказанного слова. Во-вторых, хотя Зуи и проводит, в сущности, те же мысли, что и в начале, делает он это, опираясь не на умозрительные «мертвые» знания, а на конкретные «живые» примеры из их общего с Фрэнни прошлого. А именно: они вспоминают, как их старший брат Симор наставлял их натирать ботинки ради толстой тети, которая непременно приходит посмотреть на их выступления (Фрэнни и Зуи – актеры). Будучи тронутыми этим общим воспоминанием, герои наконец-таки обретают общность в молчании, что есть одновременно общность в понимании жизни и своего места в ней: *For joy, apparently, it was all Franny could do to hold the phone, even with both hands. For a fullish half minute or so, there were no other words, no further speech* [4].

Нельзя сказать, что молчание в данном случае – активность целенаправленная. Напротив, она произвольна, оттого предельно концентрирована. Типичный герой Сэлинджера хотя обычно и не принимает установленного миропорядка, сам по себе не является силой, активно преобразующей мир: его активность, выраженная в молчании, – это именно духовное преображение, достигаемое из со-бытия с *другим*.

Библиографический список

1. Эпштейн, М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы / М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 2006. – 559 с.
2. Супрун, А.П. Буддийские коаны как психотехническое средство осознания ограничений сознания / А.П. Супрун // Развитие личности. – М.: МПГУ, 2016. – Вып. 2. – С. 209–227.
3. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
4. Salinger, J.D. Franny and Zooey / J.D. Salinger. – New York: Little, Brown and Company, 1961.